

Русский феномен и проблема чехословацкой/чешской русистики*

The Russian Phenomenon and the Problem of Czechoslovak/Czech Russian Studies

Иво Поспишил

(Брно, Чешская Республика)

[**статья**]

Abstract:

The author of the present article analyses the Russian phenomenon / phenomenon of Russia, the Czech view of Russia and Russian literature, the Czech Russian studies, its past and present, its problems and perspectives. He also demonstrates various orientations of departments of Russian studies and the dispersion of discursive groups as well as the position of Russian studies in the Czech environment due to history and political situation.

Key words:

Russian phenomenon / the phenomenon of Russia; the Czech view of Russia; the specific position of the Czech Russian studies, its state, problems and perspectives

* Предлагаемая работа возникла в Университете им. Масарика в рамках проекта «Конфликт поколений и его отражение в славянских литературах, языках и культурах» № MUNI/A/0959/2015, осуществленного с помощью ресурсов целевой поддержки специфических исследований в высшем образовании, предоставляемых Министерством образования Чешской Республики в 2016-ом году.

С самого начала необходимо указать факт, который бы должен быть очевидным, но в сегодняшней медиа-ситуации, в которую вовлекают и гуманитарные, и социальные науки, это не так. Русисты, в том числе и чешские, не являются ни нескритичными любителями России, ни поборниками её прошлой и нынешней политики, в равной степени, как я надеюсь, это же действительно и для англистов, германистов или испанистов и стран, в которых говорят на соответствующих языках. Однако, они должны быть знатоками России, способными на глубокое её познание, а также участниками установления чешской политики по отношению к России при условии, если бы кто-либо к ним за этим обратился, чего, однако, обычно не происходит, хотя язык, то есть лингвистика, литература, то есть литературоведение, и политика, то есть политология, — это те ворота, через которые познаётся геополитический и культурный ареал. Филологи знают, что язык и его плоды в виде текстов являются основой для других наук, но те себя так не проявляют. Я всегда привожу два примера, касающиеся именно России: исследование об отношении творчества Гоголя (1809–1852) и Булгарина (1789–1859) вышло когда-то в известной военной академии Вест-Пойнт (West Point), так как осознание русской литературы XIX века и её перипетий рассказывало этим чемпионам по советологии и кремлелогии о России, то есть о враждебной США стране, больше, нежели отслеживание текущих событий. Также я часто образно говорю, что творчество Фёдора Достоевского показывает Россию глубже, чем мониторинг русских СМИ или правительственных серверов. Наши политики, очевидно, думают, что о России больше всего знает историк, политолог или социолог, но в этом они несколько ошибаются. Необходимо также осознать, что отношение западных держав к России всегда было сдержанным, а иногда и враждебным, полным недоверия, однако в то же время к ней обращались как к прагматичному союзнику: от Габсбургов до Черчилля, Рузвельта и Обамы. В познании русского феномена оказывает помощь сегодняшней возврат диахронии: *historia magistra vitae* возвращается в других масках и костюмах.

В России мы ценим то, что для нас экзотично, однако и то, что на нас похоже; часто подвергаются анализу отношения между Россией и Европой, но это не совсем верно, хотя свою книгу так назвали — на разных языках — Данилевский и Масарик: Россия является Европой, но и Европа также не представляет собой гомогенное целое: Европа различна в Испании, Исландии или на Урале и Кавказе. Позвольте мне привести в пример высказывание из траурной речи одного лидского русиста (было произнесено в 80-х гг. XX в.), прокомментировавшего преждевременную смерть брненского англиста Алеша Тихи его блестящей цитатой о том, что во время одного из его посещений Соединённого Королевства расположившиеся вдалеке на зелёной траве игроки

в крикет, одетые в белое, казались китайскими фигурками/марионетками; явления абсолютно явственно отличные могут неожиданно и даже абсурдно переплетаться. Критичное отношение к России — это неотъемлемая часть русистики в широком смысле слова, впрочем, как и всё в науке, которой присуща критичность; в такой же мере, как, по моему предположению, к Великобритании и Англии относятся англисты и американисты, к Италии — италисты или к Венгрии — венгеристы. Конечно, наукой не может быть ненависть: к осознанию ведёт плюрализм подходов, в котором не должен быть слышен только один голос, далее трезвость суждений, рациональность, но и умеренная эмоциональность отношения к предмету изучения.

Ареалы Западной, Центральной и Восточной Европы значительно отличаются друг от друга на оси диахронной и синхронной. Даже те страны, которые традиционно считаются т. н. Западом, не были Западом исторически: напр., границы между Западом и Востоком проходили раньше по оси Киль — Триест. Чешский (или, говоря несколько спекулятивно, чешский, моравский и силезский [POSPÍŠIL 2001a]) взгляд на русскую литературу в настоящее время не отличается принципиально от нашего воззрения до 1989 г.: хотя оно и находилось под сильным идеологическим давлением, в принципе, даже тогда абсолютно не исчез традиционный содержательный и трезвый взгляд на русское в общем и на русскую литературу в особенности. Знаю, что на сторону этого вводного тезиса бы не встал каждый, но если мы посмотрим на страницы русистской и славистской периодики, сборников и книг в определённые периоды качественного подъёма, т. е. во второй половине 60-ых гг. [VACHOUŠKOVÁ 1998] и в 80-ых гг. [POSPÍŠIL 1998b], то даже с учётом того, что мы обнаружим некоторый сдвиг стратегии, определённое качество, несмотря на колебания, здесь остаётся. Очевидно, что некоторая относительная независимость суждений сохранилась в первую очередь в работах о более старых этапах развития русской литературы, включая классический период и т. н. «золотой век», и в теории (например, брненская русистика традиционно тяготела к сравнительному литературоведению и жанрологии). Издательская деятельность (в первую очередь, издательства «Odeon», в 80-ых гг. и издательство «Лидове накладателстви») здесь зачастую подавлялась в пользу официальной русистской периодики, не говоря уже о хвалебных сборниках, хотя и тут найдутся содержательные и объективные статьи. Официальная чешская русистика до 1989 года не могла заниматься т. н. эмигрантской и самиздатовской литературой официально, тем не менее о ней было известно, и её читали. Официальная концепция русской литературы была (или должна была быть) до 1989 г. «дырявой», однако я бы не прибегал к крайнему отрицанию традиционно признаваемых ценностей: так, в историко-

литературных концепциях друг возле друга могут быть Михаил Шолохов, Михаил Булгаков, Иван Бунин или Владимир Набоков [POSPÍŠIL 2001b].¹ Другая причина явного отсутствия концептуальной преемственности является внутренне литературной: она заключается в одностороннем акцентировании модернистских, постмодернистских, и в общем, нонконформистских течений и оттеснении более традиционной реалистической поэтики как обладающей меньшей ценностью как искусство. С этой точки зрения Тимур Кибиров может оказаться самым большим русским поэтом. И этот взгляд абсолютно легитимен, но в той же степени легитимно не соглашаться с ним полностью, открыть более широкий проход для ценностного плюрализма типов искусства и поэтик.

В чешско-русских отношениях вообще, и литературных в особенности, наблюдается черта, которую можно с определённой степенью преувеличения назвать *Naßliebe*: восприятие русской литературы ни в коем случае не происходит прямолинейно, а извилисто, зачастую невероятно противоречиво, в экстремальных положениях от восхищения через критику до неодобрения. Восприятие современниками часто не соответствует установившейся позднее ценностной иерархии: иногда она соответствует восприятию русскими современниками (издание Фаддея Булгарина в Чехии времён национального возрождения соответствует читательскому спросу того времени на его произведения в России; подобным образом — заинтересованность поэзией Евгения Евтушенко и т. д.), иногда она создаёт свою собственную шкалу ценностей, когда в самой России (СССР) другая аксиологическая шкала не могла сформироваться или это было запрещено (ещё большее обожание современниками А. Вознесенского, культ Марины Цветаевой, усиленный её отношением к Чехии, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Геннадия Айги и др.). Определённую роль в чешском восприятии играл и регионализм в плане специфики восприятия в регионе или университете. Так, друг от друга отличаются Прага, Оломоуц, Брно, Острава или Градец-Кралове в способе, которым они смотрят на русскую литературу как на объект научного исследования, хотя, скорее, в предпочтениях и приоритетах, которые исследуются.

Как уже было указано, русскую литературу нельзя серьёзно и критически изучать без принципиальной позитивной эмоции и положительного отношения к духовному наследию русской национальной жизни: гиперкритичность, переходящая исключительно в констатацию «русской отсталости» или

1 Этот концепт 15 лет назад мы попытались вложить и в Словарь русских, украинских и белорусских писателей (Под руководством Иво Поспишила составили Галина Бинова, Яна Бумбалкова, Йозеф Догнал, Гелена Филипова, Татьяна Юржичкова, Дануше Кшицова, Мирослав Микулашек, Галина Миронова, Эва Сватонёва, Шарка Тонцрова, Мартина Вашикова) [POSPÍŠIL 2001b].

в априорный взгляд на Россию как на врага или что-то чужое и чужеродное не может быть качественной исходной точкой научного исследования ни феномена России, ни русской литературы, хотя с таким подходом мы и сегодня иногда встречаемся. С этим, конечно, связана идея намеренно выстраиваемой непреемственности нашего взгляда на русскую литературу, отвечающей вышеприведённому тезису о принципиальном шве в чешском видении русской литературы. Одна из возможностей выхода из этого тупика — систематическое использование сравнительного (компаративного) метода (кстати, его бы могла в большей степени использовать и чешская богемистика) и сосредоточенность на эстетическом компоненте русской литературы, то есть на поэтике и взаимосвязи литературы и других явления духовной жизни: русская литература так же, как и в прошлом, попадает в вынужденную изоляцию. Само возникновение средневековой и новой русской литературы в большей степени, чем в остальных литературах, связано с усвоением чужих импульсов, с тем, что в русской литературе в большей степени, чем где-либо, автохтонный и аллохтонный элементы сталкивались с самого начала в независимости от того, шла ли речь о столкновении фольклорных, восточнославянских и южнославянских, старославянских элементов, или славянских и византийских или русских и европейских [POSPÍŠIL 1998a]. Компаративные взаимосвязи русской литературы в ряду её этапов развития гораздо более явны, чем в других национальных литературах.

В XX веке наше отношение к России, русскому языку и литературе определяли три события: Октябрьская революция, воспринятая чешскими левыми, в принципе, положительно, хотя и не во всех её этапах, и русские эмигранты, живущие у нас с поддержкой «Русской акции» Масарика, освобождение в 1945 г., операция пяти государств Варшавского договора, воспринимаемая как советская в 1968 г.², и события 1989 г. и их последствия. Всё это нанесло ущерб восприятию русской литературы у нас: некритичное обожание всего русского и советского, затем опять отрицание, скрытое отрицание или абсолютное отрицание как в радикальные девяностые годы прошлого века, позже — опять наоборот: мода на русский язык как на что-то экзотическое, что к тому же не слишком одобряется или даже запрещено. Так случилось, что Россия, хотя и осуждает наш мейнстрим, ищет в нём ошибки, однако этим она их, в сущности, перемещает в центр внимания: ни одна страна в мире не появляется в СМИ так часто, как Россия. Россия нас невероятно привлекает, в том числе и тем, чем нас, по сути, отталкивает; выражаясь по-другому: чем больше нас

2 То, как по-другому русская среда сейчас воспринимает события 1968 года, показывают русские сборники: [BUDAGOVA 2011; UZENEVA 2012; VOLOKITINA 2010]. См. наши рецензии [POSPÍŠIL 2012].

Россия субъективно отталкивает, тем больше она нас, в сущности, объективно привлекает.

Последние события на Востоке Европы, т. н. «украинский кризис» и российская аннексия Крыма бывают воспринимаемы как начало новой холодной, и даже возможно «горячей» войны. Обострение конфликта и создание новых фронтовых линий (пока только в дипломатии и политике) снова обнажили проблему слабого понимания вплоть до непонимания т. н. русского феномена. Не нужно открывать такие старые понятия, как «русская загадка», «русский сфинкс», «русская душа» (Russian soul), однако понимание России не только в синхронном, но и диахронном аспектах является необходимостью; именно взгляд назад объясняет современные шаги. В принципе, у нас появляются две отчётливые тенденции: с одной стороны, открытая русофобия, убеждённость, что «холод идёт из Кремля», что Россия — враг западной цивилизации и Европы как таковой. Эту уверенность выражает подавляющее большинство политической сцены в Польше, однако это можно понять как результат исторического опыта. У нас русофобами часто являются те, кто имеет и, что самое главное, имел исключительные отношения в СССР и России известного характера. Другие занимают по отношению к России критическую, а порой негативистскую позицию; с другой стороны, находятся русофилы, которые наоборот принимают всё русское некритично, ссылаясь на наше «славянство». Лишь меньшинство занимает по отношению к России критические, но ни в коем случае не негативистские позиции: то, что возникает в середине XIX века у Карела Гавличека, и продолжается у Т. Г. Масарика и Яна Славика [POSPÍŠIL 2014].

Сами русские, за исключением западнической, либеральной линии, которая была сильной в первую очередь в 80х–90х гг. XX века, поддерживают концепцию «русской тайны». Одним из таких «ретрошагов» было переиздание книги юриста Михаила Зызыкина (1880–1960) «Царская власть в России» с подзаголовком «вечное и всегда возможное» [ZYZYKIN 2004]. Зызыкин, будучи профессором Московского, а затем Варшавского университетов, закончивший свой жизненный путь в Аргентине, создал произведение, являющееся имплицитной и эксплицитной защитой российского самодержавия, авторитарной системы, правовые основы, рамки которых он изучает. Важной с точки зрения легитимности системы является глава «Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года». И хотя Николай I, к примеру, по мнению Льва Толстого, — преступник, который расстрелял картечью, казнил и уничтожил русские элиты, Зызыкин на конкретном материале показывает, что вопрос намного сложнее (выступления Николая, кроме прочего, речь к дипломатам, допросы арестованных декабристов).

В недавнем прошлом русские уделяли много внимания жизни древней России. Здесь прежде всего выделяется книга Бориса Григорьевича Якеменко [JAKEMENKO 2000–2003]. К наиболее интересным пассажам относятся описания колоний иностранцев: начиная с греков и итальянцев (сурожане) — последние были в том числе и носителями ренессансных родов в русском мышлении и культуры — далее об экспансии мигрантов во времена Ивана III, о специфическом положении армян и евреев, заканчивая известными иностранцами (Лазарь Сербин, врач Леон Жидовин). Модная «история будничного дня» («День Москвы», «Уличная жизнь») преобладает в обоих томах, второй из которых касается XVIII и XIX вв. и показывает развитие Немецкой слободы, армянского дворянства, московских грузин и наглядно демонстрирует факт, что основу русской элиты зачастую создают иностранцы по происхождению. Это очевидно и по русской литературной классике: от бабушки, скорее, абиссинец Пушкин, «шотландец» Лермонтов — Лирмонт/Лермонт (Learmonth), польско-украинский Гоголь, поляк Сенковский, «швед» Вельтман, «датчанин» Даль (Dahl), «татарин» Достоевский и т. п., напр. американский род Вахтангов-Багратион. Для культуры важно описание московских клубов (английский, охотничий) и извозчиков (глава «Московские извозчики»).

Для литературы и литературоведения важна серия «pro et contra», представляющая собрание реакций и оценок выразительных, не только русских фигур, действительных, а не искусственных медиальных знаменитостей. Серия с полным названием «„Русский нуть“ — pro et contra» содержит русские реакции и восприятия: напр. речь идёт о личности Н. Бердяева, Н. Гумилёва, П. Флоренского, архимандрита Фёдора, В. Набокова, И. П. Павлова, В. И. Вернадского, соперничествах Москвы и Санкт-Петербурга, А. С. Пушкина, Л. Толстого, Д. С. Мережковского, И. Бунина, однако также Платона или Ницше. В центре внимания оказался М. Бахтин, св. Августин, Макиавелли и весь феномен православия. Это явно серия, направленная на создание сознания русского мира.

Специфическим пластом процесса пересоздания, или обновления, или ревитализации русского феномена является художественная литература. Сейчас к нам попадает только её часть, прошедшая через сито определённого суженного восприятия и строгих идеологических критериев: для перевода к нам попадают (вероятно, заслуженно) произведения по характеру своему антиутопические, фантастические, постмодернистские, политически либеральные, т. н. прозападные, хотя мы точно не знаем, что это значит, учитывая то, что все мы приходим из азиатско-средиземноморской, еврейско-антично-христианской сферы. Другие пласты стоят особняком: с одной стороны, ориентированные духовно, так, что многим такая литература кажется фантасти-

чешской литературой или магическим реализмом. Что в этой литературе может удивить непроинформированных, это прежде всего её глубокое погружение в русскую литературную традицию, в глубины языка, который можно русским только завидовать, насколько бы хорошо мы ни знали о потенциалах чешского языка: диглоссия тут живёт, дышит, пульсирует, ни один чешский романист или поэт не сможет таким образом использовать напр. язык хроники так называемого Далимила (Далимилова хроника).

Примером могут служить высоко ценимые в России, буквально говоря, бестселлеры Евгения Водолазкина (род. 1964), филолога, медиевиста, творчество которого, располагающееся на границе беллетристики и литературы факта, привлекает заслуженное внимание, напр. завораживающий роман «Лавр» (Laurus, 2013, чешский перевод Laurus, 2016) с характерным подзаголовком «неисторический роман», сюжет XV и XVI вв., описывающий жизненный путь юноши, а затем целителя и отшельника с невероятными духовными способностями. Внутреннее соединение образа мыслей средневекового человека с нынешней эпохой доказывает то, в чём автор убеждён: время не существует; его персонажи выходят за рамки своей эпохи, с помощью ясновидения они продираются в нашу современность, живые и мёртвые объединяются в одно пульсирующее целое.

Похожими, хотя в чём-то всё-таки иными, являются прозы Дмитрия Данилова (род. 1969), напр. «Горизонтальное положение» (2010), «Чёрный и зелёный» (2004) и «Описание города» (2012), или Сергея Носова (род. 1957), кроме прочего, «Член общества или Гогодное время» (2000), «Тайная жизнь петербургских памятников» (2008). Составление нового имиджа России и создание многослойной модели русского феномена — это, конечно, не только часть русской политики, но и всего корпуса русской науки и культуры в широком смысле слова. Очевидно, что существенным импульсом для этой деятельности является растущий интерес мировой общественности.

Чехословацкая русистика прошла через ряд этапов развития, анализировать которые детально нет возможности даже здесь. Скорее, практически имплицитно обратим внимание на профилирование университетов и периодики. Пражская русистика ориентировалась, скорее, на идеологический и политический аспекты русской литературы, при этом, по сути, всегда, как и ныне. Это является (в Праге и в других местах) вопросом последовательности поколений, проблемой отцов и детей или матерей и дочерей, учителей и учеников: неудивительно, что в этом плане дело учителей продолжают их ученики, причём в иную эпоху и с иным знаком оценки. Оломоуцкая русистика, скорее, следила за чешско-русскими отношениями, восприятием русской литературы, плодотворно занималась темами, стоявшими, так сказать, на периферии

(«писатели второго и третьего звена» Костршицы, военная литература Заградки, словари литературных взаимосвязей, монография З. Пехала о Набокове и его же книга о характере изучения русской литературы и т. п.), но в то же время относилась с уважением к т. н. пражской точке зрения и была к нему всегда и во все времена лояльна. Брно в этом плане всегда занимало специфическую и по возможности самостоятельную позицию. Это определялось появившимся ещё раньше подключением более широких взаимосвязей, при этом в лингвистике и литературоведении: лингвисты были славистами, теоретическими синтаксистами и приверженцами сравнительного изучения языков, литературоведы были воспитаны школой Франка Воллмана и всё видели в сравнительных славистских контекстах литературной компаративистики (изучение литературных направлений и жанров в европейских взаимосвязях). Благодаря этому удалось избежать идеологизации того времени, что сохранилось по сей день. Это отразилось и в аксиологической позиции, напр. при оценивании некоторых работ пражской русистики, включая недавнее сочинение М. Ц. Путны.

Книга М. Ц. Путны о России появляется как раз вовремя, как будто по общественному заказу в связи с конкретными событиями в Украине и запутыванием отношений между разными государствами, причём не только в Восточной Европе. В этом плане её можно рекомендовать как хорошее, культивированное чтение не только для студентов, русистов, но и для всех, кто интересуется этими проблемами. С другой стороны, как я предполагаю, здесь присутствует чёткий подход, который преследует цель показать Россию как нечто неустойчивое, неуверенное, искусственное или просто отрицательное, деспотическое, но это только часть правды. Украину он противопоставляет России как альтернативу развития, как надежду Запада, так как она относится к Западу. История это подтверждает, однако в равной степени она подтверждает и её близкие контакты с Востоком: нельзя что-то безнаказанно ретушировать, а желание здесь порождает мысль [POSPÍŠL 2015a].

В 1990 г. было своевольно остановлено издание журнала «Чехословацкая русистика» (*Československá rusistika*): у русистики уже не должно было быть в славистике, которую тоже отодвигали на запасной путь как приносящую вред, особое место; это было воспринято как ошибка и журнал «Мир литературы» (*Svět literatury*), в редакционном совете которого я некоторое время состоял и из которого я был после разногласий с главным редактором уволен после т. н. реструктуризации, так никогда и не смог целиком её компенсировать, к тому же с ограниченным, прореженным кругом предпочитаемых авторов. Вследствие этого я основал журнал «Новая русистика» (*Nová rusistika*), предопределив ему сочетание филологии и аргументности, исходящее из моей концепции, которую я с некоторыми коллегами ввёл при основании Института славистики в 1995 г.:

1) «Новая русистика» — это международный научный журнал, исходящий из традиций европейской мысли о языке и литературе, т. е. из морфологических и структурных методов, но и разных постструктуралистских, коммуникативных, рецепционных и антропологических концепций и приемов. 2) «Новая русистика» будет поддерживать тесную связь филологических и других гуманитарных и социальных наук в рамках ареальной филологии. 3) «Новая русистика» будет стараться культивировать дискуссии о методологических вопросах современного языкознания и литературоведения в общем и русистского языкознания и литературоведения в особенности. 4) «Новая русистика» будет открывать новые темы и проблемы русистики в широком понимании и в форме специальных тематических номеров. 5) «Новая русистика» будет открыта всем хорошим русистам разных методологических установок, но будет поддерживать свое методологическое направление, состоящее в особом синтезе чисто филологических и других научных подходов и приемов, стараясь сохранять, развивать и обогащать филологическое ядро русистских исследований. 6) «Новая русистика» будет поддерживать международное сотрудничество русистов и связи с чешскими, словацкими и другими институтами и институциями, способствуя, таким образом, организации семинаров, конференций, симпозиумов и совещаний по проблемам русистики и ее отдельных специальностей. 7) «Новая русистика» будет стараться развивать отдельные прогрессивные лингвистические и литературоведческие дисциплины, исходя из чешской традиции сопоставительного и сравнительного изучения языка и литературы (компаративистики). 8) «Новая русистика» будет заниматься и проблемами методики и обучения русскому языку и литературе на научном уровне в связи с развитием лингвистической и литературоведческой методологии и институциональной базы, главным образом в университетах. 9) «Новая русистика» представляет собой не генерационный, не групповой, но межгенерационный, открытый журнал, старающийся спланировать работу старшего и младшего поколения ученых. 10) «Новая русистика» будет исследовать и стараться усиливать общественную позицию русистики в международном, европейском, центральноевропейском и чешско-словацком рамках, стараясь изучать и новые этно-психо-социальные процессы, выходящие за пределы филологической и даже ареальной русистики, в том числе проблему культурной интеграции русскоязычных иммигрантов на территории Центральной Европы и, главным образом, ввиду огромного значения России в диахронном и синхронном планах, взаимные связи Центральной Европы, в особенности ее чешской и словацкой частей, и России.

Проблема русистики в общем и чешской русистики в отдельности затронута общими болезнями сегодняшней науки, как и её организация, причём это

главным образом касается наук гуманитарных, социальных, т. е. и славистики, и русистики. Этим мы занимались в исследованиях и специально изданной брошюре, переизданной в 2015 году [POSPÍŠIL 1999; POSPÍŠIL 2015]. Личные отношения, их табуирование, изолированные, дисперсные дискурсные группы — это боль и сегодняшней русистики. Эта нехорошая ситуация постепенно преодолевается с новыми поколениями и новыми типами исследования, напр. в относительно новых университетских отделениях, не только в упомянутых классических. Главное заключается в том, чтобы была сохранена память истории специальности: как напоминание, предостережение о повторении тех же самых или похожих ошибок.

Библиография:

- BUDAGOVA, L. N. (red.) (2011): *Slavjanskij mir v glazach Rossii. Dinamika vosprijatija i otrazhenija v chudožestvennom tvorčestve, dokumental'noj i naučnoj literature*. Moskva.
- JAKEMENKO, B. G. (2000–2003): *Byt i tradicija Moskvy XII–XIX vekov. I–II*. Moskva.
- POSPÍŠIL, I. (1998a): *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům)*. Slavica Litteraria X, 1, s. 27–37.
- POSPÍŠIL, I. (1998b): *Spálená křídla. Malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století*. Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1999): *Akademická krize a situace literární vědy na přelomu epoch*. Slovak Review VIII, 1999, č. 1, s. 1–11.
- POSPÍŠIL, I. (2001a): *Existuje moravská literárněvědná rusistika a ukrajinstika?* In: MALÍŘ, J., VLČEK, R. (eds): *Morava a české národní vědomí od středověku po dnešek*. Brno, s. 153–172.
- POSPÍŠIL, I. a kol. (2001b): *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů*. Praha.
- POSPÍŠIL, I. (2012): *Rusko, Slované a žhavé body dějin*. Novaja rusistika V, 2012, č. 2, s. 68–71.
- POSPÍŠIL, I. (2014): *Znovuvytváření ruského fenoménu na počátku 21. století: návraty a nová „nasvědování“*. Novaja rusistika VII, 2014, č. 1, s. 181–187.
- POSPÍŠIL, I. (2015a): *Autoritativní obrazy Ruska jako vzorek českého prostoru a času*. Novaja rusistika VIII, 2015, č. 1, s. 48–61.
- POSPÍŠIL, I. (ed.) (2015b): *Situace mezinárodní slavistiky: kdo je vinen a co dělat. Antologie příspěvků, materiálů a dokumentů*. Brno.

VACHOUŠKOVÁ, A (ed.) et al (1998): *Česká literární věda — slavistika: v období Pražského jara 1967–1969: bibliografie*. Praha.

UZENEVA, Je. S. (red.) (2012): *Slavjanskij mir v tret'jem tysjačeletii. Obraz Rosii v slavjanskich stranach*. Moskva.

VOLOKITINA, T. V. (red.) (2010): *1968 god. Pražskaja vesna. Istoričeskaja retrospektiva*. Moskva.

ZYZYKIN, M. (2004): *Carskaja vlast' v Rossii*. Moskva.

[статьи]

Об авторе

Ivo Pospíšil, Masaryk University,
Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies,
Brno, Czech Republic, pospslav@phil.muni.cz